

Зинаида Васильева

Nikolai Ssorin-Chaikov. Two Lenins: A Brief Anthropology of Time. Chicago: Hau Books, 2017. 150 pp. ISBN 978-0-9973675-3-9.

Зинаида Васильева, Мюнхенский центр исследований технологий в обществе, Мюнхенский технический университет; Европейский университет в Санкт-Петербурге. Адрес для переписки: TUM, MCTS, Augustenstrasse 46, Munich, 80333, Germany. zinaida.vasilyeva@tum.de.

Книга Николая Ссорина-Чайкова «Два Ленина: краткая антропология времени» увидела свет в 2017 году в издательстве Hau Books (Чикаго). Приуроченная к столетнему юбилею Октябрьской революции, эта публикация стала очередным исследованием в серии под названием «Монографии Малиновского», которая ставит своей задачей способствовать развитию новых «этнографически-инспирированных теорий или переосмыслить то, как “этнографическое” понимается сегодня».

Как следует из подзаголовка книги и из названия серии, работа Ссорина-Чайкова – это вклад в теоретическую разработку антропологии времени (Fabian 1983, 1991; Gell 1992; Rabinow 2008), в частности, в исследование множественности социокультурного времени. В первой главе автор справедливо замечает, что представление о темпоральной множественности и сложности давно стало общим местом в антропологической теории, однако слишком часто является выводом («все множественно», «все сложнее, чем казалось на первый взгляд»), а не отправной точкой исследования. «Множественность и сложность – хорошие вопросы, но плохие ответы», – пишет Ссорин-Чайков (с. 6) и направляет свое исследовательское внимание на множественность социокультурного времени как таковую.

Чтобы проанализировать темпоральную множественность, автор выделяет три группы исследовательских вопросов: 1) Как устроена множественность социокультурного времени? Каковы различные темпоральности, из которых эта множественность состоит? 2) Как концептуализировать отношения, существующие между темпоральностями? Как различные концепции времени существуют *по отношению друг к другу*, как они работают друг в друге и как они могут быть поняты через призму друг друга? 3) В каком времени существует сама эта темпоральная множественность? Является ли это метавремя «одновременным» по отношению к другим темпоральностям, которые разворачиваются в этом времени? Когда мы говорим, что два события происходят «в одно и то же время», означает ли это, что они также сосуществуют в одном и том же социокультурном времени и разворачиваются «в одно и то же время»? (с. 6–8).

Акцент на разработке теории задает и определенную композицию книги: здесь (почти) нет истории, за которой читатель может следить, переходя от одной главы к другой. Последовательность глав подчинена анализу различных типов темпоральных множеств и типов взаимоотношений между ними и в них. Такое решение автор объясняет тем, что история (story) как один из способов организации материала в линейном времени является предметом его исследования, а не

способом изложения аргументации. Этнографические описания в начале каждой из глав служат своего рода эмпирическим введением для последующих теоретических выкладок о множественности времени, различных темпоральностях одновременно разворачивающихся событий, даре и обмене как базовых социальных процессах, предполагающих определенные временные отношения и взаимозависимости, и макропроцессах (таких как советский современный проект или постсоветский неолиберальный капитализм), разрывающих одни и создающих другие горизонты коллективных представлений о времени.

Этнографический материал книги происходит из двух главных исследовательских проектов автора, которые также задают горизонт теоретических проблем, рассматриваемых в книге. Первый из них – это полевое исследование северного кочевого народа эвенки, проведенное в конце 1980-х – начале 1990-х годов в Восточной Сибири (Ssorin-Chaikov 2003). Второй проект – «Дары вождям», одним из результатов которого стала одноименная выставка, прошедшая в 2006 году на базе Музеев Московского Кремля. Автор курировал эту выставку совместно с Ольгой Сосниной (Ссорин-Чайков 2006). Если центральной темой сибирского исследования было то, как большие государственные «цивилизаторские» проекты (Российской империи, СССР и постсоветской России) производят системы категоризаций, которые в свою очередь производят локальные идентичности и формы гражданской принадлежности, то проект «Дары вождям» продолжил исследование государства и политических культур, но на этот раз через призму классической для антропологии темы дара и обмена. Оба эти проекта также проблематизировали темпоральность социальных взаимодействий и акцентировали внимание на множественности времен, одновременно сосуществующих в каждом социокультурном контексте. Таким образом, «Два Ленина» – итог многолетних размышлений автора, где проблематизация времени, дара и обмена, а также роли государства и власти в организации и воображении этих социальных процессов вырастает в оригинальную интерпретацию современного проекта.

Название книги «Два Ленина» отсылает к двум протагонистам книги: Владимиру Ленину – лидеру и символу советского современного проекта – и Владимиру по прозвищу «Ленин» – эвенку, с которым автор познакомился в ходе своего полевого исследования на севере Красноярского края. Эвенк Ленин получил свое прозвище после посещения мавзолея вождя революции в Москве в 1967 году, куда он ездил по комсомольской путевке. Два Ленина и многочисленные акты обменов, в которые они оказываются вовлечены, задают две основные сюжетные линии. С одной стороны, мы узнаем о Владимире Ленине и его проекте модернизации послереволюционной России, о его встрече с американцем Армандом Хаммером и начале торговли с США и о его второй встрече с Хаммером, когда тот преподнес лидеру русской революции статуэтку с ветхозаветной цитатой «*Eritis sicut Deus*» (лат. «вы будете, как боги»¹; сама же статуэтка представляет собой фигурку шимпанзе, сидящей на стопке книг Чарльза Дарвина и рассматривающей челове-

¹ Цитата происходит из Ветхого Завета: «Вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3:5). Эта фраза использована также в трагедии Гете «Фауст», где она принадлежит Мефистофелю.

ский череп) (главы 1, 3). С другой стороны, перед нами раскрываются отдельные фрагменты жизни эвенка Ленина: его постсоветская повседневность, кочевая и сельская, где значения (советского) прошлого и (постсоветского) настоящего сосуществуют и конфликтуют, противореча и обесмысливая друг друга. Конфликт с председателем совхоза из-за незаконной продажи комбикорма (глава 2) и поджог геологической башни; желание построить лодку «по-современному», следуя примеру пленных финнов, которых эвенк Ленин видел в Сибири после войны; воспоминания о советском прошлом и комсомольских путевках, которые позволили ему повидать мир за пределами поселка и кочевых маршрутов; его представление о себе, живущем «как деды», «современном эвенке», который некогда следовал ленинскому завету «учиться, учиться и еще раз учиться», – вот лишь несколько примеров, демонстрирующих конфликтность сосуществующих представлений о времени (глава 4).

Каждый из вышеперечисленных эпизодов автор анализирует как отношения обмена, которые производят и обуславливают множество возможных временных отношений. Так, акт дарения может подразумевать обратный дар, который может произойти позднее. Однако временные отношения дара необязательно отсылают в будущее: если сменить перспективу и проанализировать события, произошедшие до акта дарения, можно обнаружить, что то, что казалось даром, на самом деле является отдарком и благодарностью за нечто, случившееся в прошлом. Так, подарок Хаммера может интерпретироваться как дар восхищенного наблюдателя лидеру невероятного социально-политического замысла или как дар капитализма социализму, так как инициированная Хаммером торговля помогла разорвать дипломатическую и экономическую блокаду, в которой находилась молодая советская республика. Но если проанализировать биографию Хаммера и заметить, что поездка в СССР и встреча с Лениным сделали начинающего студента-медика успешным предпринимателем, быстро сколотившим миллионы на торговле зерном с Россией, то картина меняется, и подаренная статуэтка выглядит не столько дипломатическим подарком и залогом будущего, сколько ответной благодарностью за предоставленный Хаммеру Лениным шанс начать его бизнес-карьеру (глава 3).

Важная методологическая задача автора состоит в том, чтобы показать, как социальная реальность может быть организована вокруг разных и зачастую противоречащих друг другу концепций времени. Каждый эпизод – это лишь точка, из которой могут разворачиваться различные «будущие» (во множественном числе) и различные по своей структуре временные рамки. Каждый эпизод изначально существует во многих временах разного уровня, которые находятся между собой иногда в горизонтальных, а иногда в иерархических отношениях. Так, статуэтка «*Eritis sicut Deus*» одновременно содержит в себе по меньшей мере три времени – христианское, дарвиновское (эволюционное) и марксистское, – которые могут быть прочитаны горизонтально (например, как три равно возможные темпоральности, иронично сосуществующие «в одно и то же время» в пределах статуэтки) или иерархически (как если бы только одна из этих темпоральностей предлагала режим правды, низводя таким образом другие варианты до статуса лжи) (глава 1). Сосуществование и (зачастую) конфликтность множества концепций времени

едва ли составляют проблему для носителя культуры, одновременно проживающего несколько темпоральностей, но почти всегда оказывается вызовом для антрополога, который переводит свои полевые наблюдения и заметки, отсылающие к событиям разного времени и соответствующие различным темпоральностям, в текст, обладающий своими характеристиками времени и пространства и соотносящийся с различными моментами исследования и его места (этнографическим хронотопом, по Михаилу Бахтину) (глава 4).

Пожалуй, наиболее интересной и провокационной является глава 5 «Гоббсов дар» («Hobbes' Gift»), где после анализа социокультурного времени как феномена (вопрос *что*) автор возвращается к традиционному этнографическому вопросу *как* и показывает подмену нарративами советской модерности «моссова дара», подразумевающего отношения реципрокности и обязательность отдарка «гоббсовым даром», то есть даром, от которого невозможно отказаться и который по сути является способом захвата и установления суверенной власти. Дар, по Томасу Гоббсу, преподносится в одностороннем порядке, в виде патерналистского завоевания и маркирования присутствия новой власти (с. 101). Он является даром, поскольку приносит мир в гоббсово состояние войны против всех, но на деле оказывается лишь перемирием, поскольку не имеет контрактной природы и не основан на обоюдном договоре. Автор показывает, как нарративы модерности (например, тексты, написанные ранними советскими ячейками, образованными в Сибири) оформляют само «новое время» советской модерности в форму дара: коренные народы Севера благодарят советскую власть, поскольку возлагают на нее надежды («нам нужна больница [...], ветеринарный пункт [...], школа» (с. 95)). Однако, как справедливо замечает Ссорин-Чайков, эта благодарность предшествует строительству школ и больниц и, скорее, является единственно возможным «должным» ответом на обещания их построить в будущем, которое еще не наступило.

Такая фукодианская, по сути, интерпретация советской модерности оказывается в конфликте с марксистским вариантом прочтения (Marxist vernacular), согласно которому советская модерность – это дар знания: больницы, школы и ветеринарные пункты должны прийти как результаты этого знания. Более того, в марксистском смысле все эти дары – обратные дары, поскольку возвращаются народу, от которого труд и плоды его были отчуждены. Ссорин-Чайков отмечает, что такая интерпретация является проблематичной в контексте истории коренных народов Севера, которые на момент прихода советской власти продолжили жить в условиях коллективности и неотчужденного труда (с. 115), но она работает, если мы рассматриваем саму советскую модерность как время (глава 6) со своим языком и смысловыми категориями. Лампочка с элементом накаливания, выполненным в виде фигуры Ленина, изображенная на обложке книги и преподнесенная рабочими в дар XII съезду РКП(б) в 1923 году, представляет собой артефакт того времени и символизирует свет, принесенный советским проектом электрификации в «темную» деревню.

Хотя подзаголовок книги звучит как «Краткая антропология времени», это исследование не стоит принимать за «Введение в антропологию времени». Сжатость

изложения материала и интерпретации, которая, по словам автора, отвечает современному состоянию антропологии как дисциплины, когда у нас все меньше времени читать, а объем чтения все больше (с. 121), отчасти лишает текст прозрачности. Читателю придется самостоятельно устанавливать связи между многочисленными ссылками на теоретические работы авторов разных эпох, дисциплин и направлений (от Мосса и Малиновского, через Маркса и Гоббса, Бахтина и Козеллека, Джелла и Фабиана, до Харрауэй и Латура) и решать, в какой мере их концепции времени совместимы с эпистемологической и онтологической точек зрения.

Важное значение книги состоит в том, что она предлагает рассмотреть фундаментальные теоретические вопросы антропологии на российском этнографическом материале, что до сих пор является редкостью. Социальному исследователю России, работающему с интервью в постсоветском контексте, будет полезно вникнуть в анализ конфликтных темпоральностей эвенка Ленина, поскольку противоречия между множественными концепциями времени являются характерной особенностью источников этого типа. Книга является также вкладом в современную дискуссию о советской модерности, которая понимается как время и темпоральность, происходящая из того же социокультурного времени (*sic!*), что и западные модерности. Хотя сравнительная линия анализа намечена, скорее, пунктиром, она вписывает советский модерный проект в более широкий контекст Просвещения с его футуристическими фантазиями и гоббсовским даром-захватом. Книга заканчивается так: «Ленинская рука [в лампочке] указывает вперед, определяя направление Просвещения. Но и сам социализм являет здесь собой дар света, знак нового времени» (с. 130).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ссорин-Чайков, Николай, ред. 2006. *Дары Вождям. Каталог выставки*. М.: Пинакотекa.
- Fabian, Johannes. 1983. *Time and the Other: How Anthropology Makes Its Object*. New York: Columbia University Press.
- Fabian, Johannes. 1991. *Time and the Work of Anthropology: Critical Essays 1971–1991*. London: Routledge.
- Gell, Alfred. 1992. *The Anthropology of Time: Cultural Constructions of Temporal Maps and Images*. Oxford: Berg Publishers Limited.
- Rabinow, Paul. 2008. *Marking Time: On the Anthropology of the Contemporary*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Ssorin-Chaikov, Nikolai. 2003. *The Social Life of the State in Subarctic Siberia*. Stanford, CA: Stanford University Press.